

На Восток!

Поезд мчится по великой транссибирской магистрали. Справа и слева безмятежно плывут неоглядные степи, тайга, пустоши, грохочут мосты, перекинутые через могучие реки, и редко, очень редко возникают впереди дымящиеся пейзажи городов. Пассажиры охватывают какое-то чувство сожаления от сознания, что человеческие руки еще не дошли как следует до богатств, скрытых в этих дремлющих в первозданном покое просторах.

Это чувство овладевает советским человеком и в минуты, когда он складывается над картой Родины. Он видит, как Уральский хребет делит страну на густо населенную и редко населенную части. Западнее хребта карта покрыта переплетенными железных и шоссе дорог, на ней щедро рассыпаны кружочки городов, промышленных центров, видны зубчатые знамя судноходных каналов. Восточнее Уральского хребта, особенно за Омском, картина резко меняется, там земля наша местами мало обитаема. И кто из нас, стоя перед картой, не мечтает о том, чтобы эта исторически сложившаяся непродуктивная экономическая география Родины была устранена, чтобы густо заперестри кружочки городов, нити дорог, искусственных морей, каналов и на Востоке, чтобы энергия народа была направлена на освоение сокровищ всей Советской земли.

А клады Востока неисчерпаемы! Три четверти запасов угля, четыре пятых гидроэнергетических ресурсов и лесных богатств страны находятся в Сибири. Там огромные месторождения цветных и редких металлов, железных руд, химического сырья.

В прошлые пятилетки советский народ создал гордость нашей индустрии — Магнитку и Кузбасс, промышленность Сибири, республики Средней Азии, Севера. Но как ни значительны эти свершения, исторически они явились лишь началом великого преобразования восточных районов. Теперь настало время ваяться за это дело во всеоружии современной науки и техники, трудового опыта, творческого гения народа.

В директивах по новому пятилетнему плану XX съезд партии начертал программу форсированного развития экономики Востока. Ей отдается около половины всех капитальных вложений пятилетия. Вот они, цифры: за десять-пятнадцать лет в Сибири будет создана третья мощная металлургическая база, которая выведет до двадцати миллионов тонн чугуна в год. Уже в конце шестой пятилетки здесь будет добыто угля и выплавлено чугуна больше, чем во всей стране в 1950 году, а электроэнергия будет выработано больше, чем во всей стране в 1954 году. На Востоке и Севере развертывается строительство электростанций, металлургических, химических, нефтеобработывающих, машиностроительных, цементных заводов, рудников, шахт.

Осуществление намеченных планов обеспечивается первоклассным оборудованием, материалами, финансами — всем, но в одном пока ощущается недостаток: в людях. Нужны рабочие руки, сильные молодые руки, горячие сердца, восприимчивые умы, стремящиеся к романтике создания. Этими качествами обладают комсомольцы, вся советская молодежь, доказавшая еще во время строительства Комсомольска-на-Амуре, на какие трудовые подвиги она способна. И к ней, к нашей славно молодой молодежи, обращаются Коммунистическая партия и Советское правительство с призывом выделить из своей среды на первые годы Востока, Севера и Донбасса.

Массовое участие молодежи в претворении созидательных идей партии в жизнь всегда было овеяно высокой революционной романтикой. М. Горький с восхищением следил за ростом и развитием свежей поросли рабочего класса и содействовал этому процессу своим пером.

«Молодые хозяева Союза Советов, вы обязаны знать природные сокровища страны своей, рассеянные на поверхности огромной земли и скрытые в недрах ее.

Не зная — значит не обладать, обладание учит умению пользоваться, а чем лучше умеет человек пользоваться силами природы, тем обильнее и совершеннее его оружие в борьбе за жизнь, за свободу», — писал Горький.

Так высоко оценивал великий писатель роль наших юношей и девушек в утверждении новой, лучшей жизни. Молодые со-

ветские люди чувствуют себя хозяевами страны по завоеванному их отцами праву. Всегда дружно они откликались на призывы своей родной партии. Чувством горячего патриотизма объясняется и тот необычайный энтузиазм, который сейчас вызвало среди молодежи Советского Союза историческое Обращение Партии и Правительства.

Восьмьсот комсомольцев Московского автозавода первыми отправились в свое время на целинные земли и работают там. А теперь их друзья — слесари А. Радченко, А. Бибиков, В. Непцев, сварщик Ю. Баландин, пресовщица Л. Алексина и многие другие — подали заявления о своей готовности ехать на Восток и Север.

— Великие дела требуют подвигов. И кому, как не нам, молодым и здоровым, откликнуться на этот призыв, помочь стране в освоении несметных богатств Сибири, — сказал на митинге товарищ Московского станкостроительного завода В. Разливаев.

Прощай от отправке на Восток ленинградская фрезеровщица Д. Николова и токарь Г. Ковалева. На стройках и шахтах Донбасса изъявили желание работать молодые киевляне — аппаратчица Н. Ефименко, В. Буряк. «Будем работать, не жалея сил. Мы хотим поехать на Восток с первой партией добровольцев», — пишут из Черниковска молодые супруги Мещеряковы. «Изъявим большое желание поехать на строительство Братской ГЭС... Просим выслать путевки», — сообщают из Челябинска отец и сын Головиных. В комитеты комсомола потоками поступают заявления, телеграммы от молодых рабочих, работниц, специалистов Харькова, Смоленска, Одессы, Тбилиси, Еревана, Горького и многих других городов и сел. На Восток устремятся и войдут в строй армии мирного труда многие молодые воины после демобилизации их из рядов Советской Армии.

Мы являемся свидетелями развешивающегося величайшего похода за хозяйственное освоение просторов, равных территориям десятков иных государств. На северо-восток Восток стремятся когорты нового поколения советских людей, воспитанных партией, грамотных, опытных, несущих с собой культуру, передовую науку. Они заложат новые города, промышленные центры, откроют институты, университеты, театры, протянут нити дорог, наладят наземную и воздушную связь, залыют электрическим светом отдаленные районы нашей страны.

В русской литературе встречается немало горестных рассказов о глухой Сибири, диких казахстанских степях, окутанной мраком суеверий Якутии; о хищниках-золотопоискователях, купцах-тогостосах, бродягах-уголовниках. Писатели-симпатизеры — Короленко, Чехов, Мамин-Сибиряк, Шиншков показывали бесправное, развращенное царским самодержавием человека, стоющего лицом к лицу с могучей и суровой природой Сибири. Перед силами стихии люди были слабы, безоружны, беспомощны. Лишь отдельные из них обнаруживали выносливость духа.

Теперь в совершенно иной свете встала перед нашей литературой тема Востока. Уже в первые годы революции она была овеяна героизмом гражданской войны. Литература времени первых пятилеток и Великой Отечественной войны изображает облик могучего человека-хозяйина, который выластует над природой, поднимает ее скрытые силы и управляет ими. Теперь, когда развертывается бескрайний фронт борьбы за освоение миллиардами тонн угля, миллиардами киловатт-часов электроэнергии, редкими металлами, алмазами, литература найдет много новых героических тем о нашем современнике.

Еще более ста лет назад, когда многим казалось, что крепостная Россия застыла в полусонном состоянии и некому будить ее, В. Г. Белинский писал: «На Руси все растет не по годам, а по часам, и пять лет для нее — почти век».

Как это верно звучит применительно к нашим пятилеткам, ускоряющим движение страны в будущее и придающим этому движению совершенно новый характер. И если Белинский так расценивал поступь истории нашей Родины в те мрачные времена, то каким же мерлом определить то, что свершается сейчас под руководством Коммунистической партии народа Советского Союза! Столетия не сделали в Сибири того, что совершил советский народ за пятилетку!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 62 (3563) Суббота, 26 мая 1956 г. Цена 40 коп.

Самое молодое море

Описывать море очень трудно. Быть может, именно поэтому один из великих русских писателей, прекрасный стилист, приводил в качестве примера лаконичного и точного описания моря фразу из сочинения какого-то школьника: «Море было большое». О Куйбышевском море можно было бы написать: «Море было молодое».

Когда выйдешь на Куйбышевское море или пролеташь над ним на самолете, то ясно видишь, чем оно отличается от «старых» морей. Вот в нескольких километрах от берега, среди водной глади, неожиданно встает странный островок — какие-то пенки, кустарник, вселяющийся прямо из воды: эта бывшая возвышенность с вырубкой еще станет морским каналом... Портовые сооружения в Казани, Ульяновске, Ставрополе достраиваются далеко от воды на сухом пока месте: море еще только подойдет к ним.

Нынешней весной уровень Волги поднял плотной почти на 20 метров, река разлилась в иных местах на добрый десяток километров. Паводок следующего года довершит дело, образовав водохранилище емкостью свыше 50 миллиардов кубометров воды. Но уже сейчас это настоящее море, с высотой волной, с невидимым в серый день противоположным берегом, с трехэтажными гигантами-лайнерами, способными выдерживать любую непогоду, с пенушкой на поверхности крупной ряби — ее привозят с низовьев реки в специальных судах-рыбачках и выпускают в море, засеяв его просторами.

Жители приволжских сел и деревень, волею судьбы оказавшиеся «приморскими» жителями, до сих пор качают головами, глядя на необъятную водную ширь, открывшуюся из окон их домов. Ставропольцы по воскресеньям приезжают на автобусах и в легковых машинах к повороту у Порт-города, откуда виден разлив на месте бывшего Ставрополя.

— К райисполкому вода подошла! — Хватится! Давно уже за школой-механизации затопило.

Приезжий с удивлением прислушивается к их разговору: ведь здание райисполкома и двухэтажный красный дом школы механизации, как и сотни других жилых и общественных построек, давно разобраны и перевезены машинами на возвышенность, где раскинулись прямые улицы нового Ставрополя. Лишь гора старожала может разобрататься в бывших кварталах города, оставшегося на дне морском, определить местоположение отдельных зданий, фундаменты которых давно залила вода.

— Скажешь кому, и не поверит, что ты родился и возрос на дне моря... Им не верится в это и сейчас, когда пятикилометровая плотина из бетона и земли связала каменные отроги Жулеу с террасой левобережной возвышенности, когда весенний паводок, из года в год бесцельно стекавший в Каспий, впервые задержан плотиной, когда вода, поднятая на громадную высоту, вращает лопасти первых турбин, вырабатывая электрическую энергию. Как же трудно было поверить в то, что будет здесь через пятилетие, первым строителям, прибывшим на песчаные и безлюдные берега Волги.

...Много это или мало — пять лет? Ребенок, родившийся в конце первого года строительства ГЭС, сейчас шагает, держась за руку отца, в детский сад. Яблонька, посаженная в саду за домом, дала за это время первый, кислый еще плод. Писатель, тогда собиравший материал для книги о стройке, год писал ее и еще год ждет решения судьбы своего произведения в издательстве. И за это же время — всего за одно пятилетие! — выстроено величайший гидроузел, возникло крупнейшее в мире искусственное море.

Молодые патриоты, прибывшие на Волгу со всех концов Советского Союза,

имеют все основания гордиться тем, что они сделали.

А дел было много, трудности были немалые. Это сейчас по берегам Волги раскинулись новые, из белых зданий гордились строители. — новоселам предстояло еще построить их, жить первое время в палатках и бараках. Это сейчас вы можете доехать до ГЭС на автобусе по асфальтированному шоссе или по железной дороге (скоро она будет электрифицирована), — подездные пути новоселам надо было проложить, работая поначалу, пока не прибыли первые машины, киркой и лопатой. Это сейчас приежаки поражают исполненное знание гидростанции, красивые водосливная плотина, окутанная водяной пылью, от которой в солнечный день горят, переливаясь, радуги, и шлозы, в которых водяной лифт поднимает караван судов на три этажа, — все это создано руками советских людей за одно пятилетие.

Молодые энтузиасты, прибывшие на стройку, овладевали сложнейшими механизмами, которые прислали сюда предприятия страны. Молодежь не боялась трудностей, комсомольцы показывали примеры самоотверженности и героизма.

...Первая суровая зима. По льду Волги метет поземка, ветер срывает фанерную обшивку козлов. Изыскатели бурят волжское озеро посреди реки, в том месте, где ляжет основание ГЭС. Окаменевшими пальцами девушка-коллектор записывает в тетрадь характеристику очередной пробы грунта.

...Шофер самосвала, ссылавший камень в воду на месте будущей перемычки котлована, скользящий вместе с машиной с обледеневшего обрыва в Волгу. Проробы и водители, выславшие из кабин, с ужасом смотрят на сконнувшуюся черную дымящуюся реку. Лишь через минуту шофер вынырнул. «Что ты делал так долго под водой?» — спросили пострадавшего, снимая с него ватник, растряпав тело снегом. «Скорее выключил», — отвечал водитель тосующими губами, — а то бы завтра не вытащить машину».

А отчаянные монтажники, натягивавшие тросы подвесной дороги на большой высоте над волжской стремниной! А бульдозеристы, с риском для жизни заделывавшие промону в верховой перемычке, размытую грозным паводком 1953 года, а совсем недавно, в апреле этого года, разбиравшие земляную перемычку водосливной плотины и на последней скорости «удиравшие» от морских потоков, хлынувших в котлован!

Все эти юности и девушки, показавшие на работе чудеса отваги и героизма, — обыкновенные молодые люди нашего времени. Они, так же как и вся молодежь, хотели по вечерам после работы потанцевать в клубе и учиться, сражаться в шахматы и слушать лекции о мирном применении атомной энергии. Мне довелось лет пять назад быть на одной из первых молодежно-комсомольских конференций гидростроителей, когда молодежь серьезно критиковала руководство стройки за недостаточное внимание к их культурным запросам и быту.

Пожоже было, что начальнику Куйбышевгидростроя Ивану Васильевичу Козьмину даже по душе эти упреки, свидетельствующие о жажде молодежи к знаниям и культуре. Козьмин рассказал собравшимся о своей комсомольской молодости, о Магнитке, где он прежде работал.

— Сейчас у нас все есть, страна дает нам все необходимое. Не ждите только, пока вам все вложат в рот разжеванным. Хотите культурно отвлечься — давайте

все вместе строить дворец культуры. Хотите учиться — давайте попросим у нашего правительства разрешения открыть на стройплощадке институт.

Сотни молодых строителей занимались по вечерам в читальных дворцах культуры, в драматических коллективах, в литературном объединении, в духовом оркестре. Берега Волги соревновались не только в укладке бетона, воскресным днем бетонщики, наев майки разных расцветок, соперничали на футбольном поле стадиона. Уже в конце первого года строительства на площадке были организованы не только многочисленные курсы по повышению квалификации рабочих, школы механизаторов и гидротехнический техникум, но и филиал Куйбышевского инженерно-строительного института. Ныне на трех его факультетах участв уже свыше семисот студентов-производственников.

Старший баггермейстер сверхмощного земснаряда Александр Лебедев — один из лучших гидромеханизаторов страны. Он команует механизмом, замещающим труд десятков тысяч землекопов, потребляющим столько электроэнергии, сколько берет ее небольшая завод. Можно ли управлять «заводом» без высшего образования? Лебедев после дня напряженной работы мчит на попутной машине в институт, слушает лекции, борясь с дремотой. И это продолжается не день, не месяц, а четыре года. Сейчас Лебедев — студент четвертого курса, отличный производитель и ученик.

За пятилетие стройка подготовила свыше двадцати тысяч рабочих разных специальностей — водителей, мотористов, взрывников, бульдозеристов, экскаваторщиков. А через месяц в филиале института будет первый выпуск 46 специалистов, получивших диплом инженера без отрыва от производства. Много ли это — пять лет? Оказывается, за этот срок рабочий может стать инженером...

Недавно знатный экскаваторщик ГЭС Борис Коваленко вместе со всей своей бригадой уехал на строительство новой ГЭС. Комсомольцы и коммунисты Виктор Старинов, Василий Сердюков, Алексей Татаренко, Владимир Харькин, Михаил Зуб не захотели расставаться и поехали вместе. Обладая при истине «пробивной силой» Борис Коваленко добился разрешения взять с собой на новую стройку экскаватор имени бригады партизана Железняк, которым бригада вынула на Куйбышевской ГЭС свыше двух миллионов кубометров грунта. И как когда-то на волжском берегу они собирали эту легендарную машину, так сами и разбирали ее, грузили на железнодорожные платформы...

Десятки строителей Куйбышевской ГЭС, закончив работу на Волге, подают в эти дни заявления с просьбой отправить их на Байкал, на Бухтарминскую ГЭС, на Братскую гидроэлектростанцию, которая даст столько энергии, сколько Куйбышевская и Сталинградская, вместе взятые.

Молодые люди пятидесятых годов двадцатого столетия, сыновья героев Магнитки и внуки основателя плана ГОЭЛРО, стали полными героями нашего времени. Сегодня они покорили Волгу, создали самое большое искусственное море в мире. Завтра им будет под силу повернуть сибирские реки вспять, заставить их течь новым руслом, туда, куда прикажет советский человек.

Все это не фантастические замыслы, а близкие, реальные же планы. Еще больше приблизится к нам будущее, когда будет выполнена грандиозная программа работ, намеченная XX съездом Коммунистической партии. Вот почему партия и правительство призывают ныне молодежь: вам строить в тайге города, возводить гидростанции на реках! Смелей в путь, молодые друзья! Будущее — за вами!

ЗА РУБЕЖОМ

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Накануне выборов в Италии

Завтра в Италии начнутся выборы в коммунальные и провинциальные советы. Голосование будет производиться в один тур: в течение двух дней — воскресенье и понедельник — будут переизбраны коммунальные советы примерно в восьми тысячах коммун. Раньше муниципальные выборы производились в несколько туров, с перерывом в один месяц.

Со времени прошлых выборов избирательный закон подвергся значительным изменениям. Предыдущие выборы проводились на основе так называемого пропорционального избирательного закона, согласно которому тот или иной список или группа списков, получившие относительное большинство голосов, имели право на две трети мест. На этот раз мажоритарная избирательная система будет применяться только там, где население не превышает 10.000 жителей. В остальных городах выборы проводятся на основе пропорционального избирательного системы. Это значит, что каждый избирательный список получит число мест, пропорциональное количеству поданных за него голосов.

Политическая жизнь Италии определяется сейчас необходимостью сближения двух основных сил: блока коммунистов и социалистов, с одной стороны, и христианских демократов — с другой. В ряде крупных итальянских городов — будь то Флоренция или Болонья, Генуя или Венеция, Милан или Рим — одним христианским демократам или блоку социалистов и коммунистов трудно отстоять абсолютное большинство голосов. Не подлежит сомнению, что после муниципальных выборов сильнее политическим партиям неизбежно придется подумать о сотрудничестве. Коммунисты и социалисты уже не раз заявляли о своей готовности участвовать в создании большинства вместе с христианскими демократами.

Что касается христианских демократов, то их мнения разделились. До сих пор в руководстве христианско-демократической партии преобладали тенденции, выражающиеся в отказе от какого-либо союза с левыми. Однако удержаться на такой позиции отнюдь не легко. Дело в том, что христианско-демократическая партия не может открыто вступить в союз с правыми: ее рядовые члены не приняли бы такого шага, и партия оказалась бы перед реальной опасностью раскола. Таким образом, если исключить союз с правыми и оставить в силе запрещение вступать в союз с левыми партиями, то у христианских демократов остается только один выход: поощрять создание свободно избранных городских советов. В этом случае управление крупными городами было бы поручено комиссарам префектуры. Такая перспектива чревата серьезными последствиями: демократическое развитие Италии было поставлено под угрозу.

Однако и это не так легко осуществить. Это можно было бы сделать некоторое время назад, в разгар «холодной войны». Теперь подобная мера встретит серьезные возражения, ибо в Италии, как и в других европейских странах, все слои населения охвачены глубоким стремлением к объединению всех сил для борьбы против «холодной войны» — для осуществления новой внешней и внутренней политики. Отсюда — некие реальные трудности, которыми сталкиваются христианские демократы.

Внутри христианско-демократической партии разгорелись горячие споры. В то время как секретарь партии Фандани продолжает утверждать, что христианские демократы никогда не согласятся сотрудничать в коммунальных советах с социалистами и коммунистами, другие члены христианско-демократического руководства, в том числе Тамборни, занимающий пост министра внутренних дел, и Гонелла, министр без портфеля, отстаивают гораздо менее непримиримую позицию. Гонелла даже заявил на одном из предвыборных митингов, что католики ничего не имеют против сотрудничества с марксистами. Выступление Гонеллы весьма знаменательно. События последнего времени говорят о стремлении широких кругов западноевропейской общественности к сотрудничеству с лагерем социализма. С этими стремлениями нельзя не считаться.

Выборы 27 мая могут оказаться событием, которое повлияет на будущее Италии. Везде того, эти выборы могут повлиять на политическое и общественное развитие нашей страны.

Альберто ЯКОВЕЛЛО, итальянский журналист.
РИМ, 25 мая. (По телеграфу).

Две выставки

БОЛЬШИМ успехом пользуются в Москве две выставки — выставка советской книги, в помещении Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, и выставка французской книги, открытая французскими официальными организациями в залах Академии художеств СССР. По просьбе «Литературной газеты» о советской выставке рассказывает сегодня генеральный секретарь Постоянного комитета выставок французской книги и графики г-н Рене ле Жюж де Сегрэ, а о французской выставке — советский художник Н. Кузьмин.

Глазами французского друга

Я с удовольствием принял предложение написать эту статью о выставке советской книги, хотя, не зная русского языка, принужден буду оценивать ее только по темам книг, их оформлению и внешнему виду. Осматривая выставку с воодушевлением, — она представляет собой значительное явление.

В первую очередь мне хочется поздравить организаторов за выбор помещения и размещение книг. Уже просторный холл библиотеки производит большое впечатление, как и строгое и в то же время ясное оформление в просторных отделах, вместивших свыше десяти тысяч книг, выпущенных в течение двух последних лет. Я видел книги о любых отраслях человеческого знания. Остановился лишь на тех, которые произвели на меня особо сильное впечатление.

Раньше всего об «Истории русского искусства»: для ее изложения потребуются двенадцать томов, из которых три выставлены на стенде. Я листал затем большую Советскую Энциклопедию — очень серьезную и значительную работу, выпускаемую в пятидесятитомном объеме, убористо набранных книгах.

Будучи горячим поклонником археологии, я особенно тщательно осматривал тот раздел выставки, где выставлены книги по этому вопросу, и был поражен их числом и разнообразием. Я выделяю здесь, в частности, первый том выпускаемого Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР труда: «Античные города северного Причерноморья». Как интересно было бы прочесть эту книгу на французском языке!

Французские любители приключенческой литературы будут полны, узнав, какое место занимает на выставке наш соотечественник Жюль Верн — и в библиотеке приключений и научной фантастики и в каталогах других советских изданий. Мне были показаны первые книги его 12-томного собрания сочинений, изданных очень тщательно, по содействию с которыми находились отдельные тома собрания сочинений других моих соотечественников: Гюго, Бальзак, Ромен Роллан, избранные сочинения Золя, Мериме... Переводчик подчеркивал, что, несмотря на значительные тиражи этих изданий, Жюль Верн выпускается в количестве 390 тысяч экземпляров! — они почти полностью расходятся по подписке, и притом надо еще долго стоять в очереди, чтобы получить ее.

Конечно, французские авторы не господствуют здесь монополично. На соседней витрине мы видели произведения Гата, Дикенса, Сарвантеса, Лопе де Вега, Боккаччо... На русский язык переводятся не только произведения классиков, но и многочисленные современных писателей разных стран.

Значительный раздел занимают книги по физике и математике, биологии и медицине. Затем в виде тома «Сельскохозяйственной энциклопедии», специальные издания для военных, литературу на языках национальных республик Советского Союза, в одном из разделов я перелистал странички клаиера «Реквиема» Моцарта, а через несколько минут с интересом просматривал прекрасные издания о пампатах Ленинграда!

Наконец мы подошли к книгам и альбому для детей. Они богато и оригинально оформлены, сразу привлекают своим иллюстрациями. Маленькая книжка «Кожин дом» напомнила мне мелодию Стравинского «Тили-бом, тили-бом», и я сразу как бы ощутил атмосферу этого произведения. Я испытывал всегда бесконечную радость чувствовать себя маленьким среди маленьких, как писал Филипп де Нери. А тут как раз я оказался среди детей. Я рассматривал книги на чудесном своеобразном фоне детских головок.

Писатель Пьер Денинос в своей книге «Записная книжка майора Томсона» шутит по поводу мании французских все сравнивать; даже прогнулваса по спокойным каналам Амстердама, они вспоминают гонимых Венеции. Я не буду сравнивать советские книги, например, с французскими. Да как можно сравнивать книги, изданные тиражом в 20 тысяч экземпляров, с книгами, издающимися тиражом в 500 тысяч экземпляров!

Французская книга на московской выставке привлекает своей обложкой, которая служит как бы ее афишей. Здесь же, в СССР, книга не нуждается в рекламе, она раскупается, едва появившись на прилавке.

Очень интересной будет детская энциклопедия в десяти томах. На выставке представлен лишь макет первого тома, выпущенный тиражом в тысячу экземпляров, который передан на обсуждение ученых и педагогов. В массовый тираж этот том поступит после их одобрения. Интересная деталь для библиофила!

Значительный раздел занимают книги по физике и математике, биологии и медицине. Затем в виде тома «Сельскохозяйственной энциклопедии», специальные издания для военных, литературу на языках национальных республик Советского Союза, в одном из разделов я перелистал странички клаиера «Реквиема» Моцарта, а через несколько минут с интересом просматривал прекрасные издания о пампатах Ленинграда!

Наконец мы подошли к книгам и альбому для детей. Они богато и оригинально оформлены, сразу привлекают своим иллюстрациями. Маленькая книжка «Кожин дом» напомнила мне мелодию Стравинского «Тили-бом, тили-бом», и я сразу как бы ощутил атмосферу этого произведения. Я испытывал всегда бесконечную радость чувствовать себя маленьким среди маленьких, как писал Филипп де Нери. А тут как раз я оказался среди детей. Я рассматривал книги на чудесном своеобразном фоне детских головок.

Писатель Пьер Денинос в своей книге «Записная книжка майора Томсона» шутит по поводу мании французских все сравнивать; даже прогнулваса по спокойным каналам Амстердама, они вспоминают гонимых Венеции. Я не буду сравнивать советские книги, например, с французскими. Да как можно сравнивать книги, изданные тиражом в 20 тысяч экземпляров, с книгами, издающимися тиражом в 500 тысяч экземпляров!

Французская книга на московской выставке привлекает своей обложкой, которая служит как бы ее афишей. Здесь же, в СССР, книга не нуждается в рекламе, она раскупается, едва появившись на прилавке.

не, она раскупается, едва появившись на прилавке.

Но я должен, как говорят, в порядке дружеской критики отметить, что некоторые книги производят впечатление однообразия и «серости», в частности, из-за отсутствия разнообразия в выборе шрифтов. Как видно, шрифты латинского алфавита более разнообразны. С другой стороны, качество репродукции подчас страдает в результате того, что книги издаются огромными тиражами.

Я долго рассматривал книжные акварели и рисунки, они так свои секреты и тайны, а главное, являются типично русскими по своим нюансам и романтизму, вкус к которым мы заметно потеряли во Франции.

Заключая: выставка советской книги в особенности поразила меня тем усилиями, которые прилагаются для того, чтобы распространить культуру — во всех ее областях — на огромной территории СССР. И это, с моей точки зрения, самое ценное, о чем свидетельствует огромная книжная продукция, представленная на этой прекрасной выставке.

Рене ле Жюж де СЕГРЕ, генеральный секретарь Постоянного комитета выставок французской книги и графики

Праздник книги

Французская книга... У нее слава, уважительная история.

Рукописи XIV—XV веков великолепно украшены орнаментом и миниатюрами, выполненными гуашью и золотом.

Книги Ренессанса. Шедевры печатного искусства в работах славных типографчиков и знаменитых мастеров книги — Тори, Жюсона и Гармона. Это они создали для французской книги образцы шрифтов, ставших классическими.

Книга XIX века — «золотой век» иллюстрации, время «романтической книги». Иные иллюстрации той эпохи стали «евангелием спутниками» многих классических произведений. Так, в нашей памяти с детства «Робинзон Крузо» и «Гулливер» неотделимы от иллюстраций Гранвилля, а рисунки Доре навеки приросли к «Мюнхгаузену» или «Сказкам Перро».

Конец XIX и начало XX века отмечены новым подъемом искусства книги в наделах Эдуарда Пеллетана, поклонника пропагандиста оригинальной графики на дереве в качестве книжной иллюстрации. Смелой была попытка другого издателя-дилетанта, Амбруаза Воллара, который привлек к иллюстрированию книги многих больших художников. Вначале она не имела никакого коммерческого успеха. Теперь эти издания ценятся необычайно и положили начало целому ряду библиофильских изданий.

После этого маленького экскурса в историю обратимся к современной французской книге, щедро и широко представленной на выставке, открывшейся в Москве.

Хочется отметить прежде всего богатое и обильное шрифтовое хозяйство французских типографий, высокое качество типографских работ. Перелистая книги, мы любимым многообразием заголовочных шрифтов, четкостью и истинной набор и печати. Есть очень интересные титульные листы, выполненные средствами только наборной кассы, есть сделанные набором обложки — образцы высшего вкуса и культуры.

Меня, художника, особенно привлекли стенды книг по искусству. Здесь — монографии о художниках, альбомы цветных репродукций, крупно снятые детали картин. Отметил издание Верв — альбом миниатюр знаменитого «Часослова герцога Беррийского» и современных мастеров Боннара и Матисса; многочисленные серии книг издательства Скира в очень хороших воспроизведениях в цвете; монографии о Гогене, Сезанне, Руссо, Матиссе издательства Шен; книги о Леонардо, Вермеере, Гойе издательства НРФ; интересные интересные подобранным материалом

исследования о живописи древнего Египта издательства Скира и Ашетт; солидный том по искусству Крита издательства Кайе д'Ар.

Хороши альбомы фотографий в отделе туризма. Яркостью и веселой пестротой обложки привлекает раздел детской книги. Любительские издания, экспонированные в особом витрине, отличаются высокими сортами бумаги, четкой печатью, иллюстрациями лучших мастеров Франции — Матисса, Майоля, Дорен Дюфи, Бертольда Манна, Вертаса, Гос Бофа и других. Несмотря на малые тиражи (500, 200, 100 и даже менее экземпляров), роль и значение этих изданий в росте культуры печатного дела огромны. Это лаборатории для экспериментов в области шрифта, печати, верстки, техники воспроизведения.

Очень украшают выставку отличные репродукции с картин французских мастеров — от Эдуарда Мане до Пикассо и Вламинка, выпущенные издательствами Браун и Спитцер. Выполненные в формате оригинала техникой, передающей все нюансы и даже фактуру живописи, репродукции дают иногда полное впечатление музейного экспоната. Надо надеяться, недалек тот день, когда мы увидим в таких же великолепных воспроизведениях Рублева и Дионисия, Левитского и Кипренского, Репина и Сурикова, Врубеля и Серова, изданных Изогном.

Мы любим и ценим прекрасные французские книги. Советские друзья книги, подобно их французским собратьям, любителям книг, роются на полках антикварных магазинов, не забывая отыскать томик Кривойной, не помнящий Дюло, или романтический книгу издателя Камерун или Этьенна. Не должно быть интеллектуальным современной французской книги стремление расширить свои представления о народе Франции, его культуре, искусстве, быте...
Пожелаем, чтобы прекрасный почин обмена книжными выставками между Францией и СССР стал ежегодным весенним праздником книг.

П. КУЗЬМИН

Клуб горячих сердец

Илья БРАЖНИН

Всякая «пятница» строится по-своему, но всегда интересна. В одну «пятницу» члены клуба встречаются со знавшим разметчиком Дубининым, в другую — с представителем командования наших кораблей, побывавших в Англии с визитом друзей. Были здесь встречи с участниками боев за Берлин, с группой пограничников, с географом и путешественником, работавшим на Каспии и присутствовавшим (кому еще это доводилось!) при образовании нового острова. На одной из «пятниц» школьники встретились с делегацией китайских учителей, на других — с писателями, художниками, астрономами, садоводами, модельерами одежды. Каждая из этих встреч подготавливается и подкрепляется работой с книгой, в каждой «пятнице» специально подбирается нужная литература. В клубе существует сектор выставок, устраиваются уже двадцать пять выставок книг, издается рукописный альманах.

Здесь много добрых начинаний и много горячих сердец. И все эти начинания идут от школьного комитета комсомола. Клуб держится на комсомольской самостоятельности — в этом его сила и ценность. Работа в клубе воспитывает учеников, и не один школьник пришел в комсомол именно через клуб.

Немало можно было рассказать о работе школьного читательского клуба, но тех, кто хотел бы узнать об этом подробнее, я отсылаю в 308-ю школу Ленинграда. Здесь можно узнать много интересного.

Для меня же особый интерес в деятельности клуба представляет, пожалуй, то, что работа с книгой превращена здесь в арену широкой общественной деятельности молодых людей, в отличную форму общественного воспитания.

Общественная деятельность требует от человека непрерывного роста, движения вперед, работы над собой. Вся деятельность клуба, о которой я здесь коротко рассказываю, — это в первую очередь работа с книгой, это — это умение работать с книгой, это умение работать с книгой, это умение работать с книгой.

Воспитание юности — это всенародное дело. Оно дорого каждому советскому человеку — и дорого и благо. Дело это трудное и требует добрых рук. Много надо и ума и души, чтобы сделать его. Ведь недаром великому педагогу Макаренко писал другой великий педагог Горький: «Орочую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит».

Молодежь — она ведь не только какой-то «объект» воспитания. Диспут, о котором я рассказываю, придумали и организовали сами школьники-комсомольцы. Педагоги предоставили молодежи полную свободу, они доверили своим ученикам. И я убедился, что они имеют все основания доверять школьникам, ибо понимают воспитательную силу самостоятельности и творческой инициативы молодежи, создают все условия для того, чтобы эта самостоятельность и инициатива нашли правильный, полезный выход, воплотились в делах, которые интересуют и волнуют молодых людей. Зная большую и плодотворную работу, проводимую в школе комсомольской организацией, педагоги дали в этом случае полную свободу инициаторам диспута.

Небольшой зал библиотеки, в котором проходил диспут «Поговорим по душам», школьники заполняют каждую пятницу. Такова традиция ПЧК. А что такое ПЧК? Об этом все стены школы знают немолко. ПЧК — школьный читательский клуб. В 308-й школе Ленинграда он работает уже больше года. В клубе свыше сорока членов; у клуба свой устав. Ребята собираются каждую пятницу. Я присутствовал уже на шестидесяти второй и шестидесяти третьей «пятницах».

Каждая «пятница» строится по-своему, но всегда интересна.

В одну «пятницу» члены клуба встречаются со знавшим разметчиком Дубининым, в другую — с представителем командования наших кораблей, побывавших в Англии с визитом друзей. Были здесь встречи с участниками боев за Берлин, с группой пограничников, с географом и путешественником, работавшим на Каспии и присутствовавшим (кому еще это доводилось!) при образовании нового острова. На одной из «пятниц» школьники встретились с делегацией китайских учителей, на других — с писателями, художниками, астрономами, садоводами, модельерами одежды. Каждая из этих встреч подготавливается и подкрепляется работой с книгой, в каждой «пятнице» специально подбирается нужная литература. В клубе существует сектор выставок, устраиваются уже двадцать пять выставок книг, издается рукописный альманах.

Здесь много добрых начинаний и много горячих сердец. И все эти начинания идут от школьного комитета комсомола. Клуб держится на комсомольской самостоятельности — в этом его сила и ценность. Работа в клубе воспитывает учеников, и не один школьник пришел в комсомол именно через клуб.

Немало можно было рассказать о работе школьного читательского клуба, но тех, кто хотел бы узнать об этом подробнее, я отсылаю в 308-ю школу Ленинграда. Здесь можно узнать много интересного.

Для меня же особый интерес в деятельности клуба представляет, пожалуй, то, что работа с книгой превращена здесь в арену широкой общественной деятельности молодых людей, в отличную форму общественного воспитания.

Общественная деятельность требует от человека непрерывного роста, движения вперед, работы над собой. Вся деятельность клуба, о которой я здесь коротко рассказываю, — это в первую очередь работа с книгой, это — это умение работать с книгой, это умение работать с книгой.

Воспитание юности — это всенародное дело. Оно дорого каждому советскому человеку — и дорого и благо. Дело это трудное и требует добрых рук. Много надо и ума и души, чтобы сделать его. Ведь недаром великому педагогу Макаренко писал другой великий педагог Горький: «Орочую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит».

Молодежь — она ведь не только какой-то «объект» воспитания. Диспут, о котором я рассказываю, придумали и организовали сами школьники-комсомольцы. Педагоги предоставили молодежи полную свободу, они доверили своим ученикам. И я убедился, что они имеют все основания доверять школьникам, ибо понимают воспитательную силу самостоятельности и творческой инициативы молодежи, создают все условия для того, чтобы эта самостоятельность и инициатива нашли правильный, полезный выход, воплотились в делах, которые интересуют и волнуют молодых людей. Зная большую и плодотворную работу, проводимую в школе комсомольской организацией, педагоги дали в этом случае полную свободу инициаторам диспута.

Небольшой зал библиотеки, в котором проходил диспут «Поговорим по душам», школьники заполняют каждую пятницу. Такова традиция ПЧК. А что такое ПЧК? Об этом все стены школы знают немолко. ПЧК — школьный читательский клуб. В 308-й школе Ленинграда он работает уже больше года. В клубе свыше сорока членов; у клуба свой устав. Ребята собираются каждую пятницу. Я присутствовал уже на шестидесяти второй и шестидесяти третьей «пятницах».

ГОРЬКОВСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Большое чувство удовлетворения испытываешь от второго спектакля, показанного Югославским драматическим театром в дни его гастролей в Москве, — постановки пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие».

Жизнь России на переломе двух исторических эпох глубоко, серьезно, верно понята и талантливо воплощена артистами и режиссером. При этом сценическое решение пьесы М. Горького, приемы игры совершенно не похожи на те приемы и средства воплощения художественных образов, которые пленяли нас на первом спектакле театра — блестящей комедии М. Дрича «Дундо Маро».

Надо обладать очень сильной и хорошо подобранной труппой, чтобы решиться показать такие различные и по своему талантливые спектакли. Почему, в самом деле, приходится вспоминать «Дундо Маро», когда смотришь «Егора Булычова и другие»? Потому что, если в «Дундо Маро» мы восхищались отличным Пометом — Йоцо Лауренчицем, то в «Егоре Булычове» нас поражает широтой своей артистической натуры, тонким психологическим рисунком роли Миливое Живанович — Егор Булычов. И в «Дундо Маро» и в горьковском спектакле зритель Дубравка Перич. Как хорошо, что молодая актриса наша

спектакля, поставленного Матой Милошевичем в содружестве с художниками Миланко Шербан и Мирой Глишич. Режиссура сумела не только верно прочесть пьесу и отменно поработать с актерами, она нашла жизненно правдивую и в то же время сценически выразительную атмосферу для всей пьесы. Ряд отличных мизансцен (сцена Булычова с Меланой во втором акте), интересные, по-новому решенные эпизоды («общая сцена всех исполнителей в первом акте, монолог Антонины во втором»), острый ритм — все это доведено до высокого художественного уровня. Недостатки и условности чисто бытового характера не изменяют общего впечатления от этого спектакля.

Хочется поздравить весь коллектив Югославского театра с большой победой. Впечатления о постановке горьковского драмы на сцене белградского театра надолго останутся в памяти.

Н. ГОРЧАКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

На снимке: Егор Булычов — Миливое Живанович, Шура — Дубравка Перич. Фото А. Лапина

Пожелаем здоровья... «Здоровью»

Профессор А. РУБАКИН

Ю. П. Фролов, умеющий ярко, образно изложить самые трудные вопросы физиологии и, в частности, физиологии центральной нервной системы (см. его статьи «Вдох и выдох» — о физиологии дыхания, «Жажда» и т. д.), профессор А. Н. Кабанов, автор самого распространенного у нас школьного учебника физиологии, профессор И. А. Касирский и др. В первом же номере журнала за 1955 год в статье «Личная профилактика» Б. Д. Петров убедительно доказывает, что каждый человек сам ответствен за состояние своего здоровья, а врач является для него только научным советником.

Известно, что среди многих людей еще сильно мнение, будто болезнь можно излечить порошками, микстурами. Разумеется, принять порошок или микстуру легче, чем соблюдать правила гигиены, пищевой режим и т. п. Однако мало таких лекарств, которые бы сами по себе излечивали болезнь. Лечение заключается прежде всего в том, чтобы сам больной вел правильный образ жизни. Еще важнее, чтобы человек не заблуждался, а для этого нужно соблюдать правила гигиены. Эта мысль проводится во многих статьях.

Автор вступительной статьи первого номера журнала «Забота партии и правительства о здоровье народа» министр здравоохранения СССР М. Д. Ковригина также подчеркивает эту мысль. Статья в духе показывает состояние советского здравоохранения: в больницах, родильных домах и диспансерах системы Министерства здравоохранения СССР имеется свыше миллиона коек, в постоянных детских яслях — 800 тысяч мест. В медицинских учреждениях страны работает свыше 1200 тысяч врачей и средних медицинских работников, в учебных заведениях системы Министерства здравоохранения учится 300 тысяч юношей и девушек, в домах отдыха и санаториях отдыхают свыше 4 миллионов человек каждый год и более 5 миллионов детей и подростков проводят летние каникулы в пионерских лагерях, санаториях и загородных домах.

Мы теперь не только можем сравнить сделанное нами в области здравоохранения с тем, что было до Великой Октябрьской социалистической революции, но и с тем, что имеется теперь в передовых капиталистических странах Запада. Общая смертность в нашей стране не только снизилась в три раза по сравнению с 1913 годом, но она в настоящее время ниже, чем в США, Англии и Франции.

Невозможно переоценить значение этого факта, ибо легче поднять в десять раз производительность какой-либо фабрики, чем снизить в три раза смертность населения в стране.

Редакция привлекает к написанию популярных научных статей крупнейших медиков нашей страны. Хотя и не все они владеют методом популярно излагать вопросы медицины, но их статьи будят мысль, ставят перед читателем вопросы, которые он сам стремится разрешить путем дальнейшего изучения. В журнале участвуют и мастера научной популяризации, такие, как заслуженный деятель науки профессор

стание об требовании жизни; науку — за отставание от потребностей машиностроения. Хорошо, что, называя болезни, очеркист тут же намечает и методы «лечения». Показательны с этой точки зрения те страницы, где автор рисует воображаемое конструкторское бюро нового типа, бюро завтрашнего дня, — здесь совместно трудятся конструкторы, архитекторы, технологи, агрохимики, здесь селекционеры работают над выведением таких растений, которые были бы удобны для механической обработки и уборки.

Есть у нас, что греха таить, такие авторы, которые легко перестраиваются и рассуждают следующим образом: ага, вчера требовалась в очерке «бодрая белокурая улыбка молодого сталевара» и «ростки нового в сознании», а сегодня требуется отрицательное, но что же, «ростки нового» оставим, найду-ка я грязный язык волевого двора, выведу отсталого мастера-практика, прихвачу еще начальника цеха, согрешившего приписками, словом, найду поугре критического духа, и это будет в духе времени... Надо ли говорить, что такие неглубокие, насоро сестричанные, мелочные «обязательные зарисовки» ничего общего не имеют с подлинным духом времени? Если раньше существовала печальная память штампа «розового благополучия», то теперь наметилась другая беда — «антиштампы», штампы наоборот, с помощью которых холодные ремесленники от литературы могут быстро и бездумно штамповать похожие друг на друга «объективно-критические» очерки. Но читателя, которому по-настоящему дороги судьбы нового в нашей стране, также не удовлетворят сегодня «свадьманный двор» и небритый мастер, «упорно придерживающийся старого», как не устраивали вчера «белозубые улыбки», — он хочет разговора большого масштаба, хочет «разобраться в коренных вопросах работ промышленности» (Н. А. Булгакин).

Задача очеркиста — это вовсе не отрицание во что бы то ни стало. Нет, это отрицание отжившего, того, что мы переросли, что мешает нам двигаться вперед, это отрицание во имя утверждения нового, лучшего. Борьба за технический прогресс, за бурное развитие нашей промышленности, за определенные технические и организационные принципы — вот смысл, вот

Больше книги для детей

Многие издательства, входящие в систему Министерства культуры СССР, выпускают крайне мало детской литературы, видимо, считая, что этим должен заниматься только Детиздат. А министерства культуры некоторых республик не направляют работу своих издательств, не оказывают помощи. В результате в Казахстане и Туркменистане в первом квартале не издано ни одной детской книжки. Не работает о выпуске детской книги издательства Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Латвии, а Ставропольское, Ростовское, Сталинградское, Смоленское и Ивановское областные издательства сократили тиражи детской литературы на 30—50 процентов.

Министр культуры СССР Н. Михайлов специальным приказом потребовал от подчиненных министерству издательств расширить издание книг для детей.

Принято предложение министерств культуры Белорусской, Казахской, Литовской, Киргизской и Туркменской ССР об увеличении до конца года выпуска детской литературы дополнительно на 16 миллионов листов-оттисков.

Утвержден дополнительный тематический план выпуска детской художественной литературы на 1956 год. Издательствам предложено значительно увеличить в 1957 году издание книг для детей за счет решительного сокращения выпуска малоактуальной и ведомственной литературы, а также за счет правильного определения тиражей школьных учебников.

Главполитпросвотом совместно с министерствами культуры союзных республик поручено до конца года создать полиграфические базы красочной печати в Киргизии, Таджикистане и Туркменистане. С будущего года они будут выпускать многокрасочные детские книжки.

Заметки об очерке

Читая и перечитывая материалы XX съезда партии, о многом задумываешься. Задумываешься, в частности, и о судьбах очерка, посвященного промышленности и людям промышленности.

Нат. СОКОЛОВА

Пятьдесят пятый год, завершающий год пятой пятилетки, висит немало нового в жизнь страны, был богат событиями. Наша промышленность стоит сейчас перед новым подъемом. Как очерк подготовил этот подъем? Откликнулся ли на новые требования жизни очеркист, разведчик от литературы? Как отразились в очерке характерные черты завершающего года пятилетки?

Отвечать на эти вопросы мы, критики, повидному, должны коллективно. В этой статье я только хочу поделиться некоторыми возникшими у меня мыслями и соображениями, подкрепив их примерами из очерковых произведений истекшего года.

1. Критика и утверждение

«Толстожурнальный» очерк в прошедшем году имел свою окраску, свое лицо. Это был, по преимуществу, проблемный очерк, зачастую проблемно-критический, с не очень отчетливо выписанными характеристиками, очерк, имеющий «крен» в сторону публицистики, активно вступающий в жизнь. Именно таковы «Заметки о советском домостроении, сборном железобетоне и архитектуре» («Знамя», книга шестая) очеркиста Д. Данина. Работа Д. Данина не свободна от недостатков, но хорошо, что раздумье очеркиста о судьбах нашего домостроения пронизано пафосом борьбы за переход на завыские, индустриальные методы строительства. Д. Данин с хорошей полемической страстностью доказывает, что типовое проектирование и новая крупная масштабность стенового материала не привносят к обнобразию, эстетической скудности, но, напротив того, обогащают архитекторов новыми возможностями.

На одном литературном обсуждении мне довелось слышать как-то выступление

дух всех последних событий, дух творческий, утверждающий.

Помогать партии решать новые задачи, которые встали перед нами на новом этапе, — это вовсе не значит обязательно ниспровергать или только утверждать: нужно ниспровержение старого, нужно и утверждение нового. Анатолий Злобин, например, в очерке «После совещания» («Новый мир», книга седьмая) помогает своей целенаправленной критикой — он показывает нам, что обработка лопаты турбин фактически превращается в производство... стружки (поскольку четыре пятых каждого куска металла идет в отходы). Но эту критику устаревшего хорошо дополнит тот очеркист, который возьмется пропагандировать новые методы производства, который увлеченно, со знанием дела рассказывает, например, об обработке металла давлением (после того, как мы долгие годы твердили читателю исключительно об успехах резания по металлу).

Распознавать, что мешает, и помочь это устранить — такова одна задача, стоящая перед очеркистом, одна сторона его работы. Но есть и другая сторона — воспеть, познать, утвердить новое, переходное. Хорошо, что И. Ширяев в своем насыленном очерке горячо отстаивает преимущества метода «законтурного заволакивания», который не так давно освоили сталинградские нефтяники («Литературный Сталинград», книга девятая), что свердловский очеркист Ю. Хазазович утверждает бесценный переходный опыт «старой гвардии» Уралмаша («Уральский современник», книга вторая за 1955 г.), что А. Брагин, критикуя «организационные огрехи» на строительстве карагандинского металлургического гиганта («Советский Казахстан», книга первая за 1956 г.), показывает, что люди «города стали» Темир-Тау думают о технике завтрашнего дня, о скоростных плавках бугуевого...

Пропагандистом переходного опыта металлургов Востока выступил Илья Пешкин в своих двух очерковых работах, опубликованных в альманахе «Год тридцать восьмой» (книги двадцатая и двадцать первая). В очерке «Сталь» отдельные сцены Всесоюзного совещания сталелавальщиков соседствуют то с рассуждением, то с сюжетом, но полным внутренним драматизмом рассказом о том, как переходные пред-

приятия отказались соблюдать устаревшую, опривтергнутую жизнью инструкцию... Утверждение нового в очерке естественно сочетается с критикой; очеркист не мирится с тем, что богатейший опыт Магнитки, Кузнецка, опыт «Запорожстали» по применению кислорода в сталеварении еще плохо используется.

Однако отдельные удачные не снимают того справедливого упрека в публицистической суетности, который сделал журнал «Коммунист» нашим толстым журналом.

Редко, очень редко можно найти в этих журналах ту «поэтическую лирику» в политической прозе, о которой писал в своей тематической статье Д. Заславский (альманах «Год тридцать седьмой», книга восемнадцатая); редко можно порадоваться свежести интонации, самобитности литературной формы, красочности и эмоциональности, опущить силу и весомость литературного слова.

2. Проблемы и люди

Если В. Ажаев или Д. Гранин откликнулись на кремлевское совещание первых людей промышленности взовнованными писательскими заметками, то по иному пути пошел Борис Галин. В очерке «Самое трудное» (альманах «Год тридцать восьмой»), книга двадцать первая) гол совещания звучит приглушено, это только звуковой фон для одного голоса, голоса горного инженера Арсентьева.

РОДСТВЕННОЕ ВНИМАНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Образ «родственного внимания» к природе являл в нашу литературу чудесный художник Михаил Пришвин. Однако этот образ кетати вспомнить, говоря об изображении человека в нашей молодой поэзии. Родственное внимание, восприятие радостей и болей каждого советского человека как своих собственных, осуждение любого проявления безразличия к людям — вот что необходимо нашей молодой поэзии. Этих нас порадовали в своих стихах Борис Слуцкий и Александр Коренев. И это же составляет силу лирики Николая Краснова.

Лирика Слуцкого и Коренева носит требовательный характер. За человечество эти поэты борются своеобразно, резко разоблачая любые проявления бесчеловечности. Н. Краснов и в мастерстве своем значительно уступает двум вышеназванным поэтам (стихам его порой словно не хватает мускульного напряжения), и характер его поэзии ягче. О нем можно сказать, что он борется с равнодушием и безучастностью, показывая участие своих героев, теплоту и родственную близость формально чужих друг другу людей.

В одном стихотворении Н. Краснов рассказывает, как уснула на окне третьего этажа маленькая девочка. И мгновенно она становится объектом внимания многих самых различных людей. Заботу о ней принимают на себя и ребята, пытающиеся достать ключ от дверей, и проходящая мимо старая женщина, и паренек в соседней квартире, звонящий по телефону о помощи, и пожарные, взбирающиеся по лестнице к окну, чтобы предотвратить несчастный случай. Заплахавшая мать, в тревоге вбегающая на третий этаж, видит живое воплощение этой заботы — чутко оберегающего сон девочки пожарника. Стихи написаны задумчиво, уныливо. Проснувшаяся девочка с недоумением оглядывается вокруг: «Девочка на улицу спала... Где пожар? — спросила. — Приспала...»

В этих на первый взгляд идеалистских, даже чуть настороженных стихах скрыт взрывчатый полемический заряд. Стихи звучат резким укором тем, кто может пройти мимо чужой беды, кто не предотвратит чужое несчастье, потому что оно относится к другому, не связанному с тобой личными узами, человеку.

Исполнено заботы о человеке и другое стихотворение Н. Краснова — «В пути». Оно отличается очень бережным отношением к чувствам людей. Герой стихов заезжает во встречную хату — обгореться. Молодой хозяйке кажется, что она уже где-то встречалась с нашим героем, и ей не просто встретиться, а очень помог. Пусть это оказывается не так, ей все же

хочется верить в случившуюся когда-то встречу и помочь: тяжело чувствовать себя одинокой. И герой стихов правильно понял ее, однако не поддался искушению легкого и доступного счастья: горько и тяжело было обмануть сердце, которое так доверчиво раскрыло свою тоску по человеческому теплу. Впереди была еще война — обязательство брать на себя трудное. Но читателю хочется верить в новую встречу героев и во всяком случае от души пожелать вместе с героем счастья этой женщине. Как далеки от мелкой, эгоистичной зависти его слова: «Где он, тот счастливец, тот жених, что возьмет тебя в семью родную? — Будешь вечным праздником у них!...» Хорошо сказано «вечным праздником» — сколько здесь глубокого уважения и бережного отношения к женщине, человеку. Невольно вспоминается пушкинское: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим».

Особенно отрадно, что это «родственное внимание» поэта к людям широко и многогранно. Художественно неравноценны его стихи о греческих патриотах, о Рубене Ибаррури, отдавшем жизнь за Сталинград, об Индии (последние стихи, например, написаны несколько общо, расплывчато, без подлинной поэтической достоверности). Однако тенденция стихов опять-таки полемически обращена против общественного безразличия, но уже к судьбе народов, к судьбе человечества. Огонь революционного интернационализма, пламенного сочувствия трудящимся мира, борющимся за свою свободу, озаряет эти стихи.

Несколько манерно по выражению концовка стихов о казни Бельюаниса, но нам понятно то чувство оцепенения, которое охватывает героя стихов при страшном известии. С болью говорит поэт о дочке греческого патриота, которая «рядит в лохмотья тюремную куклу свою... Да, эта человечность полемична — она неприимна, хотя и не всегда поэт находит для ее выражения достаточно резкие и сильные слова.

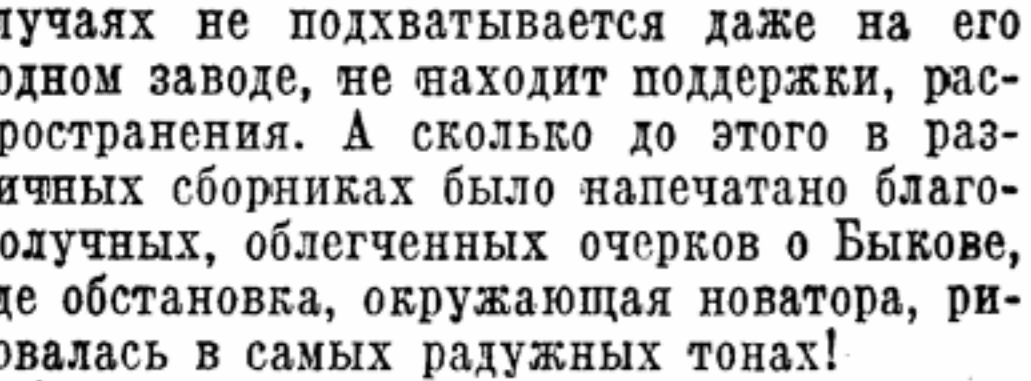
Мне кажется, что именно в названных выше стихах проявляется то, что Белинский называл «пафосом» творчества поэта. Н. Краснов силен тогда, когда в простых и конкретных образах, без декламации и риторичности воплощает большую идею «родственного внимания» к человеку. И наряду с этим в книге есть стихи, не привносящие ничего нового в поэзию. Это ряд стихов о войне, о природе. В них встречаются уже привычные мотивы; может быть, для самого Краснова они прозвучали впервые, но для поэзии — это отголоски.

Хочется пожелать поэту еще большей активности в утверждении справедливой идеи, давшей жизнь его лучшим стихам.

Григорий ЛЕВИН

Николай Краснов, Первоцветы. Стихи. «Советский писатель», 1955.

Николай Краснов, Дым самодвиж. Стихи. Издательство «Ульяновская правда», 1955.

Иллюстрации художника П. Пинисевича к роману В. Ладиса «Семья Зитаров». Книга готовится к выпуску издательством «Молодая гвардия».

идеальных пехах, да и герои эти иные, даже когда они... те же самые! Не так давно в очерке «Завоеские будни» («Новый мир», десятая книга) А. Безыменский и И. Вайнберг рассказали нам о том, что почти замечательного новатора, известного в стране токаря Павла Быкова во многих случаях не подхватывается даже на его родном заводе, не находит поддержки, распространения. А сколько до этого в различных сборниках было напечатано благополучных, обогативших очерков о Быкове, где обстановка, окружающая новатора, рисовалась в самых радужных тонах!

Очерк проблемный — значит, очерк критический, очерк о человеке — значит, идеалистский — такая установившаяся у нас за последнее время несправедливая традиция. Опять не получается целостного восприятия жизни, о котором мы так много последнее время говорим и пишем; единство разрознено, как будто взяли и поделили между собой: «тебе горько, а мне сладко». Действительно, чего-чего, а сладости хватает: читая очерк о переводом рабочем или инженере, испытываешь порой такое чувство, будто пьешь стакан чаю, куда бросили по ошибке добрых десять кусков сахара. Даже улавливая в основном очерке очерков портрет вот эта ставшая привычной переслащенность.

Возьмем книгу Юрия Арбата «Фарфоровых дел мастера» (Профиздат, 1955 г.). Удача очеркисту портрет Фарфорова, работника Ленинградского фарфорового завода имени Ломоносова. Запоминается путь скульпторства Ольги Богдановой. В очерке «Цепочка» интересно раскрыта диалектика новаторства. Но посмотрите, как портрет очерк сладкая, мармеладная конюшка!

Вот начальник цеха Третьякова по-встречалась с переводой работницей. — «Ты же на концерте?» — спросила она... — «Я в библиотеку собираюсь зайти...» — «Что читала?» — «От всего сердца». — «Понравилось?» — «Груня понравилась. Принципиальная. Настоящая. Люблю таких людей. Клавдия Ивановна заинтересовалась: — А Пина здесь? — Артемьева?.. Она сегодня пост. Пина в это время в общеклассической старательно разгадывала складки на креплешном платье, том самом, о котором мечтала, — зеленым с белым». Читатель идеалистский очерк о том же

хочется верить в случившуюся когда-то встречу и помочь: тяжело чувствовать себя одинокой. И герой стихов правильно понял ее, однако не поддался искушению легкого и доступного счастья: горько и тяжело было обмануть сердце, которое так доверчиво раскрыло свою тоску по человеческому теплу. Впереди была еще война — обязательство брать на себя трудное. Но читателю хочется верить в новую встречу героев и во всяком случае от души пожелать вместе с героем счастья этой женщине. Как далеки от мелкой, эгоистичной зависти его слова: «Где он, тот счастливец, тот жених, что возьмет тебя в семью родную? — Будешь вечным праздником у них!...» Хорошо сказано «вечным праздником» — сколько здесь глубокого уважения и бережного отношения к женщине, человеку. Невольно вспоминается пушкинское: «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог любимой быть другим».

Особенно отрадно, что это «родственное внимание» поэта к людям широко и многогранно. Художественно неравноценны его стихи о греческих патриотах, о Рубене Ибаррури, отдавшем жизнь за Сталинград, об Индии (последние стихи, например, написаны несколько общо, расплывчато, без подлинной поэтической достоверности). Однако тенденция стихов опять-таки полемически обращена против общественного безразличия, но уже к судьбе народов, к судьбе человечества. Огонь революционного интернационализма, пламенного сочувствия трудящимся мира, борющимся за свою свободу, озаряет эти стихи.

Несколько манерно по выражению концовка стихов о казни Бельюаниса, но нам понятно то чувство оцепенения, которое охватывает героя стихов при страшном известии. С болью говорит поэт о дочке греческого патриота, которая «рядит в лохмотья тюремную куклу свою... Да, эта человечность полемична — она неприимна, хотя и не всегда поэт находит для ее выражения достаточно резкие и сильные слова.

Мне кажется, что именно в названных выше стихах проявляется то, что Белинский называл «пафосом» творчества поэта. Н. Краснов силен тогда, когда в простых и конкретных образах, без декламации и риторичности воплощает большую идею «родственного внимания» к человеку. И наряду с этим в книге есть стихи, не привносящие ничего нового в поэзию. Это ряд стихов о войне, о природе. В них встречаются уже привычные мотивы; может быть, для самого Краснова они прозвучали впервые, но для поэзии — это отголоски.

Хочется пожелать поэту еще большей активности в утверждении справедливой идеи, давшей жизнь его лучшим стихам.

Григорий ЛЕВИН

Николай Краснов, Первоцветы. Стихи. «Советский писатель», 1955.

Николай Краснов, Дым самодвиж. Стихи. Издательство «Ульяновская правда», 1955.

Иллюстрации художника П. Пинисевича к роману В. Ладиса «Семья Зитаров». Книга готовится к выпуску издательством «Молодая гвардия».

Павле Быкове и невольно задаешь себе вопрос: кто и когда освобождает очеркиста, разработавшего, скажем, портрет рабочего-новатора, от необходимости смело и прямо критиковать недостатки, вскрыть резервы? Никто, конечно, не освобождает, просто так повелось... Очеркист, желая сосредоточить все свое внимание на разработке характера героя, закрывает глаза на трудности, недостатки (это, дескать, проблемы, ими займемся в следующем раз, а сейчас будем заниматься человеком). А страдает от этого в первую очередь как раз характер героя. А. М. Горький писал, что труд — это «борьба, преодоление различных сопротивлений, инерции. В труде, если хотите, есть даже элементы трагизма, — как во всякой борьбе...». Игнорируя борьбу, преодоление, розовый благополучный очерк тем самым лишает творческий труд и самое новаторство его драматического содержания; устранив с пути новатора всякое сопротивление, этот очерк обесценивает действительность новатора, выхолщивает, по сути дела, образ положительного героя. И наоборот, когда молодой очеркист И. Зверев в очерке «Его слава» («В Моссбассе», издательство «Московский рабочий») не облегчает искусственно путь своего героя, рисует жизнь такой, какая она есть, со всеми сложностями и противоречиями, то в результате на страницах небольшого очерка встает живой и симпатичный образ шахтера Петра Жаболенко, мужественного и по-хорошему упрямого человека...

Когда оглядываешься назад на проделанную очеркистами работу (которую не следует умилять, тем более зачеркивать), остается чувство глубокого неудовольствия. Да, многое верно по направлению, по устремленности, многое приближается к цели, но в то же время как это разрозненно, как зачастую робко и нерешительно! Очерк вчерашнего дня, хоть и верно нацеленный, кажется сегодня меканговым. Партия учит писателей брать вопросы широко, обобщенно, в их целостности, учит смелости и открытости. «Мы хотим лучшего, а лучшему нет предела», — так сказал Н. С. Круцев о нашей промышленности. Эта фраза может быть адресована и писателям. Да, нужно, чтобы очеркисты работали по-новому, смелее, острее, масштабнее, нужно, чтобы очерки были лучше, а лучшему нет предела.

ПЕСНЯ ОБ АРМЕНИИ

Когда бы Арагаца* не коснулась
Заря знамен Октябрьских в ярком рдении, —
В пещерах темных, верно б, задохнулась
Страна пещер глухих — моя Армения.
Не плыл бы вместе с дымом дымохода
Сладчайший хлебный запах по селению,
Из желтых скал бы не нашла исхода
Страна хребтов крутых — моя Армения.
Угасла бы... Среди камней и пыли
Лежала бы давним-давно в забвении,
Без букв Месропа** на своей могиле —
Страна его писем — моя Армения.
С высоких стен, вздымающихся к небу,
Она бы в пропасть ринулась в смятении,
Привыкшая к горам, как люди к хлебу,
Страна природных стен — моя Армения.
Сожгли бы злые орды все деревни,
Не встала бы из пепла разорения,
Прожившая века в печали древней,
Страна древнейшая — моя Армения.
Под конскими копытами б лежала,
Как придорожный камень, в отдалении,
Страна, что хлеб из камня выжимала,
Страна немых камней — моя Армения.
Кто ныне превратит посмеет снова,
В безумном дерзновении испугании,
В страну развалин, в сироту без крова,
В страну горячих слез мою Армению,
Когда сейчас, в одном строю с друзьями,
Она окрепла в трудовом цветении —
Все солнечными залита лучами,
Страна могучих лоз — моя Армения!

Перевела с армянского В. Звягинцева

* Арагац — высочайшая вершина Армении.
** Месроп Маштоц (оги—440) — просветитель, составитель старого армянского алфавита.

ВЫЙДУТ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ...

Первая Образцовая

Одной из крупнейших книжных фабрик страны является Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова в Москве. Она ежедневно выпускает сотни тысяч книг, брошюр, журналов и других видов печатной продукции. В книжном отделе брошюровочного цеха — на поточной механизированной линии — тиражи второго тома подлинного собрания сочинений В. Маяковского и сборника, в который включены 462 русские частушки: «О старой жизни», «О новой жизни» и «О любви».

Скоро на этот конвейер перейдут уже отпечатанные листы двух книг, выпускаемых Армянским государственным издательством к открывающейся в Москве декаде армянского искусства и литературы: «Рассказы» Аксея Бакундя и двухтомник исторического романа «Вардананк» Деренки Демирчяна. На очереди: сборник стихов, романов, новелл и публицистики Бертольда Брехта, новелл Томаса Манна, «Избранное» чешского писателя Ивана Ольбрахта.

В этом мощном полиграфическом комбинате печатаются и некоторые подлинные издания, в том числе второй том сочинений М. Пришвина, дополненный тираж седьмого тома сочинений Дж. Лондона, в наборе последний, восьмой том произведений В. Катаева, первый из трех томов собрания сочинений Мао Дуня, двухтомник Бернарда Шоу, «Индийская философия» Радхакришнына.

Первая Образцовая типография славится высоким качеством своей многокрасочной печати. В цехах орсетной и глубокой печати изготавливаются вкладыши к новому изданию «Индийских сказок» и «Антологии болгарской поэзии». Закачивается печатание четвертого художественно иллюстрированного плаката, который будет выпущен к 20-летию со дня смерти Максима Горького.

А от разных издательств продолжают поступать новые заказы. Недавно даны в производство «Репортаж о Югославии» П. Никитина, «Мудрость чужака» Лиона Фейхтлинга, «Драфик и Хлоя» Лонга и «Донские рассказы» М. Шоолова.

На ленте транспортера типографии «Печатный Двор» имени А. М. Горького в Ленинграде — стопки книг в твердом сером переплете. Это — очередная, четвертая том собрания сочинений Жюль Верна, в нем печатается роман «20 тысяч льед под водой». Первая партия тиража уже подготовляется к сдаче на базу Книгогорта.

В переплетном цехе одеваются в нарядную голубоватую обложку томик «Избранного» Эдуарда Багрицкого, изданного 150-тысячным тиражом, а также два тома нового тиража романа П. Мельникова-Печерского «В лесах», очередный выпуск «Роман-газеты» с романом югославского писателя Д. Чосича «Солнце далеко».

На днях типография начнет выпуск первой книги десятилетнего подлинного собрания сочинений Генрика Гейне, состоящего из 90-тысячным тиражом, сборника китайской классической поэзии и одностопного Брет-Гарта. В печати находится: очередная том собрания сочинений А. Чехова, Д. Писарева, «Избранное» С. Сергеева-Ценского и ряд других книг.

Ежедневно на цехов типографии выводит около 150 тысяч экземпляров новых книг.

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ

А. ПРОКОФЬЕВ
Заседает на правлении
И берет его сомнение:
— Может, лучше вместо речи
Мне бы стечь бы про «Заречье»
И. ТУРИЧИН

И. СЕЛВЕНСКАЯ
Поэт был зычен, а друг умолк.
Ну, а какой в молчаньи толк?
И. ИЛЬИН

НА ВСТРЕЧУ АРМЯНСКОЙ ДЕКАДЕ

Заметки писателя

1. Считанные часы остались до открытия того яркого праздника — замены, в какой превратились у нас декады национальных искусств. Уже переделается Москва волнение участников, подпечатываются в типографиях последние книги, вышел номер журнала «Дружба народов», целиком посвященный Советской Армении... Пройдут эти ситантные часы, и с театральными подмостков зазвучит армянская речь, начнется обсуждение десятков армянских книг, заговорят газетные полосы, — декада армянской литературы и искусства будет в действии.

Но мне хочется сказать несколько слов о ней еще до ее начала, затолковать ей навстречу о том новом и важном для роста армянской литературы, армянского искусства, что произошло за последние пятнадцать лет, отделяющие первую армянскую декаду от сегодняшней. Начну свое слово с чужих слов, с цитирования нескольких писем.

На рубеже нашего века вышла книга австрийского ученого Леманна-Хаутта — о раскопках, производившихся им вместе с археологом, доктором Вальдемаром Балком в Армении. Эту книгу знает все, кто работал над историей и географией Армении, она есть в наших библиотеках. И вот сын археолога, инженер Хелмут Балк, пишет мне об археологии, — он пишет о горячий народной потребности наших дней:

«Если мы (как народы) узнаем друг друга лучше, если мы вообще приложим усилие узнать друг друга (чего многие не делают), тогда все мы наверняка станем, как в большой семье, уважать и любить друг друга. Но мы должны научиться взаимному пониманию, должны навещать друг друга, быть гостями чужой страны... Армения лежит очень далеко от нас. Но это ничего не значит... было бы интересно, ценно и для обеих сторон полезно, что между Сааром и Советской Арменией установилась культурная связь... Уже в ходу у нас переговоры с Антифашистским студенческим комитетом в Москве, и мы надеемся увидеть у себя весной 1956 года первых московских студентов. Будут ли армянские студенты следовать?»

Далеко от Саарбрюкена, в чудесном городе Праге, живет милая чешская девушка-студентка Людмила Моталова. Карлов университет, где она учится, старейший университет в Центральной Европе, обладает множеством соблазнов для молодого, жаждущего познания ума. Сколько древнейших рукописей в его библиотеке, сколько современных аппаратов в его лабораториях, какое многообразие научных дисциплин, в помощь которым встают замечательные пражские музеи, пражские книгохранилища! И среди всего этого многообразия есть одно отделение на одном факультете... Но дадим слово чешской студентке:

«Я работала усердно над моим первым самостоятельным переводом из армянского языка: это был один из рассказов Аветика Исаакяна «Кузнец Геворг». Мне очень нравятся его рассказы, я хочу и в будущем заняться работой над ними... Наши люди до сих пор очень мало знают об отдельных советских республиках, об их старинной культуре, древней литературе, народном быте. И находится такие, кто с некоторым удивлением смотрит на то, что мы изучаем. Но мы видим перед собой великую задачу: приблизить к нашему человеку тот далекий и прелестный мир за Кавказом (он знает эти горы из стихотворений Пушкина и Лермонтова) и познакомиться его с историей, литературой, музыкой, живописью... словом, со всем богатством настоящей и прошлой жизни тамошних народов».

Людмила Моталова учится в Карловом университете на отделении армянского языка и литературы. И вместе со своими товарищами она еще с прошлого года интересовалась армянской культурой, ждала материалов о ней. А полтора месяца назад я получила письмо уже от ее преподавателя, доктора Иржира Едличка. Вот что он пишет:

«Я читаю лекции по армянскому языку уже с 1937 года на филологическом факультете Карлова университета. После войны я вновь возобновил эту свою деятельность и в последние годы, кроме армянского языка, я читаю на факультете также лекции по грузинскому языку. Я перевел на чешский язык Руссаветан (рукопись до настоящего времени, но должна быть издана в будущем году). Кничка («Влади Бигва») и грузинские сказки. С армянского языка я буду теперь переводить на чешский язык армянские народные песни. Также и в этом отношении я был бы необычайно счастлив, если бы мне удалось завязать более близкие отношения с армянскими знатоками и в народной поэзии... Я могу

возвращаясь к наступающей армянской декаде, скажу еще несколько слов о тех новых проступивших в ней черточках, видимых уже сейчас, в дни, ее превращения, которыми, в сущности, уже подготавливаются некоторые изменения в методах проведения декады. Каковы эти черточки?

Первое, что проступает нового для меня и в прочитанных литературных произведениях, которые будут требовательно обсуждаться на декаде, и в просмотренных еще несколько месяцев назад спектаклях, подготовившихся к декаде, — это возрастший «историзм» впечатления от прочитанного и увиденного. Но тут мне хочется сказать читателю: не ужасайся, прежде чем я не объясню свою мысль. Мы часто ошибочно вкладываем в понятие «историзм» представление только о прошедшем и даже давно прошедшем, а так как нам хочется и мы требуем от искусства, что оно отражало нашу сегодняшнюю жизнь и тем помогало строить эту жизнь, то употребленные мною слова «историзм впечатления» могут показаться осуждением, обвинением в отходе от современности. Должна поэтому сразу же объяснить, что имею в виду не отход, а более широкий приход к современности, потому что вкладываю в понятие «историзм» совсем не отдаленный и суженный смысл. Я понимаю под «историзмом впечатления» явственно проступившую сейчас связь времен, их диалектическое развитие, развитие во всех его противоречиях, переходах «вчера» — «сегодня», «сегодня» — в «завтра»; ту армянскую связь между отдельными явлениями искусства данного периода от их исходных точек в прошлом до явлений, раскрытых перед нами в сегодняшнем и намекающихся на завтра, которая помогает в отдельных показанных нам спектаклях и прочитанных нами книгах почувствовать культуру данного народа в ее целом и убедительно показывает, что это целое, несомненно, существует.

За последние годы сотарились ведущие актеры Армянского драматического театра имени Сунакуяна. Но, старая, углубляя временем выразительные морщины на лицах, отставшая в сосудах своей памяти реалистические традиции армянского театрального мастерства, эти актеры и замечательный руководитель их В. Аджемьян все же выявили свою глубинную связь с общей театральной культурой Армении (о которой так интересно и содержательно рассказывал в двухтомной монографии об армянском театре Г. Гоян). Она выявила эту связь в процессе передачи своего мастерства новой актерской смене, которая под-

росла и подучилась у них за прошедшие пятнадцать лет. Театр имени Сунакуяна часто обвиняли в том, что он «остановился в росте» и не имеет молодых, растущих актеров. А вот, оказывается, «пауза» — вовсе не остановка в росте, а момент накопления, без которого никакой шаг вперед невозможен. После «паузы» театр привозит в Москву прекрасный спектакль «Намус» Ширванзаде, поставленный силами молодежи, настоящей театральной школы. Москвичи увидят в «Намусе», отраженными в молодой и свежей игре, основные черты мастерства старых армянских актеров и режиссеров — умение передать все своеобразие армянского национального жеста, всю непосредственность глубокой народной итновации (без их утрировки!) в сочетании с хорошо освещенной, изданная знакомой по традициям русской реалистической сцены Островского общепсихологической трактовкой характеров. Так молодежь помогает лучше и полнее понять, в чем заслуги и достоинства стариков.

За истекшие годы приблизилась к читателю классика армянской литературы — Абовян, Паронян, Мурадян, Туманян — в многочисленных изданиях, в переводах, показаны русскому читателю в «Армянских новеллах», изданных в 1945 году «Советским писателем», великолепные образцы установившейся армянской прозы как западных, так и восточных армян; построены мосты между восточными и западными армянами с их разными литературными традициями и манерами письма, благодаря возрастшему количеству репатриантов, среди которых есть немало писателей. И молодая советская армянская литература, начиная с как будто с белого листа бумаги, с первых попыток овладения новым материалом жизни, обнаруживает коренную свою связь с лучшими реалистическими традициями классиков. А в лице репатриантов (например, С. Аладжаджяна), ужившихся на западных образцах прозы, мы находим стремление сочетать короткую строку, любимую на Западе, небрежный эстетизм письма, выросший из разочарованного и слегка циничского отношения к своему материалу, с той глупой и детски-жестокостной, жаждущей утверждения разработкой темы, которая родилась у него на советской земле (поэзия — французского пианиста Петросяна, в Италии — широко известного художника Шилтяна — сколько этих армян могло бы со вниманием и глубоким интересом следить за армянской декадой в Москве!

Такое расширение наших декад могло бы сделать их важным международным средством для установления «дружбы и уважения между народами», о которых мечтает мой саарский корреспондент, инженер Балк. Но если в будущем году мы придем к такому расширенному пониманию художественных национальных декад, то методы проведения их должны быть соответственно пересмотрены. Забегая вперед мыслями, я представляю себе только одну декаду в год — один ежегодный праздник художественной весны в Москве, подобный музыкальному празднику «Пражская весна», проводимому в Чехословакии, быть может, несколько позже, чтоб смогла побывать там и тут, благо и всегда у нас всегда наступает позже средневропейской... Одна декада, но хорошо подготовленная, с большой пояснительной литературой к ней, с альбомами и фотографиями, монументальными изданиями по театру, живописи, архитектуре, сборниками лучших песен, плакатками, воспроизводящими лучшие образцы музыки, — с тем собственным материалом, который можно увезти с собой, чтоб он закрепил пережитые впечатления в памяти...

В дни декады перед нашим читателем ляжет на прилавок много книг. Он найдет среди них и немало работ литературоведческих, помогающих увидеть творчество отдельных армянских писателей в их связи со всем искусством родного народа, а также и русским искусством; рассказывающих о значении русской литературы для развития армянской, о роли поэзии Маяковского в развитии армянской поэзии. Кроме давно знакомых москвичам армянских поэтов, стали сейчас доступными в переводах такие сильные поэты Армении, как О. Шираз, Амо Сагян... Получим мы, наконец, в переводе монументальный исторический роман Деренки Демирчяна «Вардананк», воспринятый в Армении как величайший памятник одной из поворотных страниц древней армянской истории. Я не могу — за недостатком места — назвать хотя бы половину интересных книг, которые будут серьезно обсуждены во время декады. И мне хочется закончить эти свои заметки еще только одним именем.

Автор, на котором я хочу напоследок остановить внимание читателя, это армянский писательница, пишущая по-русски, Пора Адамян. В ее творчестве, на мой взгляд, отразилось одно из лучших и необходимых современной прозе качеств: настоящее человеческое влияние психологии простых советских людей. Такие ее рассказы, как «Невестка», где смелая, с первого дня жизни своей воспитанная на первой советской этике, добродушная русская девушка влюбилась в патриархальную армянскую крестьянскую семью и устраивает так пономожку все на свой хороший советский лад, никого не обижая и приучая постепенно упрямого старуху-свекровь, — я считаю жемчужиной молодой советской прозы армян. Это повествование с удивительной художественной точностью, с той предельной правдивостью, когда образы жизни становятся образами искусства, а образы искусства возвращаются обратно к человечеству, как образы жизни.

Выше я сказала «историзм впечатления», как восприятие перехода от вчера к сегодня, от сегодня к завтра. Надо помнить, — всем нам, работникам пера, — крепко, мыслью и сердцем помнить, что если книги наши переплелись за рубежом нашей страны, если они читаются с жадной любовью, то потому, что они рассказывают о новом обществе и с новых точек зрения освещают прошлое. И если мы хотим хранить и помнить то, чем этот интерес вызван, то что сделали наши книги «историческими», иначе говоря — глубоко современными: конкретное знание советской жизни, советского человека, опыт участия в строительстве этой жизни, ясное представление о принципах, движущих этим строительством, верность коммунистическому началу, пронизывающему и ведущему нашу жизнь.

Хочется сказать участникам декады: — Дорогие товарищи, добро пожаловать! Пусть встреча наша окажется обильно плодотворной и для тех, кто дает, и для тех, кто воспринимает!

